

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 405–409
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 405–409
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-405-409>

Научная статья
УДК 140.8:215

Изучение религиозных традиций как фактор обеспечения светского характера культуры и образования

М. О. Орлов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены диалог и взаимное влияние светской и религиозной культуры в системе светского образования с двух точек зрения: во-первых, воздействие преподавания религии на светский характер образования и, во-вторых, влияние необходимости соответствия государственных образовательных стандартов форме презентации религиозной культуры. Предполагается, что религиозные мышление, культура, образ жизни не являются чем-то противоречащим повседневному рациональному мышлению и научности, будучи в своих высоких формах носителями самодисциплины и упорядочивания жизни человека. Длительная история диалога религии и науки привела к тому, что сегодня религия говорит с наукой на одном языке научных понятий, и зачастую религиозные организации, обращая внимание на те или иные научные и технические достижения, способствуют повышению интереса к науке в обществе. Имевшие место в прошлом процессы вытеснения религиозного дискурса из публичной сферы приводили к замене аутентичной, настроенной на диалог с наукой религиозной традиции формами «низкой» религиозности, зачастую носящей обскурантистский, фундаменталистский и антинаучный характер. А принудительное насаждение «единственно верной» светской идеологии в конечном итоге отрицательно отражается на темпах научного развития.

Ключевые слова: светское и религиозное, религиозоведение, теологическое образование, философия религии, основы православной культуры, ОДНКНР, социальные риски

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44127.

Для цитирования: Орлов М. О. Изучение религиозных традиций как фактор обеспечения светского характера культуры и образования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 405–409. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-405-409>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Study of religious traditions as a factor in ensuring the secular nature of culture and education

М. О. Orlov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Mikhail O. Orlov, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Abstract. This paper examines the dialogue and mutual influence of secular and religious culture in the system of secular education from two points of view: firstly, the influence of teaching knowledge about religion on the implementation of the secular nature of education and, secondly, the impact of the need to comply with state educational standards on the form of presentation of religious culture. The study assumes that religious thinking, culture, lifestyle are not something contrary to everyday rational thinking and scientific character, being in their high forms the carriers of self-discipline and ordering of human life. The long history of the dialogue between religion and science has led to the fact that today religion speaks with science in the same language of scientific concepts, and often religious organizations, paying attention to certain scientific and technical achievements, are a factor in increasing interest in science in the whole society. The processes of the expulsion of religious discourse from the public sphere that took place in the past led to the replacement of the authentic religious tradition, tuned in to dialogue with science, with forms of "low" religiosity, often of an obscurantist, fundamentalist and anti-scientific nature. And the forcible imposition of the «only true» secular ideology ultimately negatively affects the pace of scientific development.

Keywords: secular and religious, religious studies, theological education, philosophy of religion, foundations of Orthodox culture, ODNKPR, social risks

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-44127.

For citation: Orlov M. O. Study of religious traditions as a factor in ensuring the secular nature of culture and education. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 405–409 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-405-409>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Социально-культурная особенность современного общества состоит в том, что духовный и религиозный ландшафт стран и отдельных регионов формируется не только унаследованными от прежних поколений религиозными и культурными традициями, но и получившей глобальное распространение информационной цифровой среды, позволяющей взаимодействовать представителям самых отдаленных стран и культур, а также продолжающейся на протяжении нескольких десятилетий миграционной динамикой, характеризующейся иммиграцией в развитые страны с преимущественно светской культурой представителей менее развитых стран с сильным влиянием традиционных культур и традиционных представлений о месте религии в обществе и жизни отдельного человека. С одной стороны, практически каждый подросток имеет сегодня в пользовании (либо дома, либо постоянно) мобильные и стационарные средства доступа в сеть Интернет и тем самым – возможность не только ознакомления с культурными и религиозными традициями, но и прямого диалога с представителями различных религиозных, политических, философских взглядов и убеждений, включая представителей высшего духовенства традиционных конфессий. С другой стороны, постепенное увеличение в обществе доли выходцев из стран Центральной Азии (а для стран Западной Европы – стран Ближнего Востока и Африки) и их потомства обуславливает необходимость выработки для всех жителей развитых стран, вне зависимости от того, принадлежат ли они титульным национальностям или являются иммигрантами или потомками иммигрантов, правил добрососедства и повседневного взаимодействия с представителями иных религий и культур.

Культурное и религиозное разнообразие населения современных развитых стран, присутствие в его составе представителей различных религий, конфессий и носителей антропоцентрического мировоззрения поставили задачу формирования общих правил взаимодействия этих групп населения и в первую очередь – механизмов мирной передачи подрастающему поколению внутри каждой из групп своих религиозных или светских убеждений, картин

мира, ценностей, социальных норм. Одной из наиболее известных попыток определения основ современной государственной политики по обеспечению возможности изучения представителями разных конфессий религиозного наследия народов, проживающих в данной стране, стало принятие в 2007 г. Толедских руководящих принципов преподавания знаний о религиях и верованиях в государственных школах [1], которые содержит общие рекомендации по организации образовательного процесса по изучению религиозных убеждений и культур. Если говорить о России, то распоряжением Правительства РФ от 28 января 2012 г. № 84-р, начиная с 1 сентября 2012 г., установлено обязательное изучение предметных областей «Основы религиозных культур и светской этики» и «Основы духовно-нравственной культуры народов России».

Понятие светскости имеет разные толкования. В повседневной практике под светскостью часто понимают внерелигиозность, т. е. полное отсутствие религии в публичной сфере. Более радикальные представители видят в светскости не только то, что находится «вне» религии и нейтрально по отношению к религии, но и то, что противоположно религии и противостоит ей. В качестве основных выражений такого понимания светскости выступают рациональное мышление и наука, которые используются представителями антирелигиозных точек зрения в качестве обоснования собственных позиций. Кроме того, религии часто отводится место «исторического наследия», которое имеет значение только потому, что присутствовало в истории народа, но которое, тем не менее, является пройденной ступенью социально-культурного и научного развития общества.

Зачастую в рамках обсуждения проблем преподавания предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (далее – ОДНКНР) такое понимание светскости служит основанием для ограничения перечня знаний, отражающих специфику религиозного мировоззрения, и сведения его к культурологическому и нравственному воспитанию на примере героев и подвижников прошлых эпох.

В своих работах «Что такое светскость» и «Секулярный век» Чарльз Тейлор рассказывает

о появлении и развитии представлений о светскости в европейской культуре. Первоначально процесс становления светскости – «секуляризация» – означал переход контроля над церковными институтами и церковной собственностью от церковной иерархии к светской власти (или к самим мирянам в некоторых сектах) в ходе Реформации и появление протестантских конфессий в XVI в. Таким образом, как указывают Д. К. Богатырёв и М. И. Шишова, первым шагом к светскости был антиклерикализм [2, с. 98], вызванный роскошью, неограниченной властью и падением нравственного уровня католической иерархии в XIV–XV вв. Данное обстоятельство имеет важное значение, поскольку зачастую распространение атеистических взглядов или внеконфессиональной религиозности являлось не результатом самостоятельного мировоззренческого поиска, а реакцией на недостойное поведение представителей католического духовенства (особенно высшего) и их претензий по поводу переноса иерархического авторитета в светскую сферу.

Одной из предпосылок рационализации поведения и всей жизни верующего было желание европейских элит завершить христианизацию европейского населения и избавить его от остатков народной религиозности, в которой христианское отношение к миру сочеталось с языческими суевериями, обрядами, общим низким уровнем общественной нравственности [3, с. 77–127; 4, с. 50–72]. Само по себе рациональное отношение к миру, обществу, хозяйству и собственной жизни не является чем-то вступающим в противоречие с религиозными убеждениями.

Если обратиться к восточному христианству, то можно увидеть аналогичные процессы детального изучения и дисциплинирования духовной жизни в рамках аскетического делания в святоотеческом наследии. Главное отличие православной аскезы от западно-христианской состояло в том, что первая была направлена на внутренний мир человека и в качестве обязательного условия и гаранта правильной организации духовных упражнений требовала наличия опытного наставника. При этом православная аскеза содержит в себе даже больше критического подхода, способствующего обеспечению достоверности духовного опыта через разделение духовных переживаний и эмоционального возбуждения, имеющего сугубо человеческое происхождение. Поэтому можно сказать, что уровень рациональности религиозного мышления не ниже уровня внерелигиозного мышления, за исключением того, что теоцентрическая картина мира является более сложной, содержащей

в себе «трансцендентный фактор», влияющий на мотивацию и поведение человека. В XVIII–XIX вв. рост возможностей централизованных государств по регулированию социального порядка, успехи научного познания обусловили появление радикальных представлений о светскости, под которой стала пониматься научная картина мира, противостоящая религиозной, и начали звучать призывы к освобождению публичной сферы от любых отсылок к религиям [3, с. 220–227]. Отличительной чертой такого толкования светскости было то, что фактически под ней стало пониматься атеистическое мировоззрение, опирающееся на научный прогресс. Наука объективно заинтересована в том, чтобы конкретная историческая форма научного мышления не объявлялась единственно верной картиной мира.

Успехи научно-технического развития, особенно в сфере генетического манипулирования с живой природой, новые технологии репродукции человека и увеличение его возможностей вызывают все больший интерес со стороны религии, которая тем самым выполняет функцию инициатора общественной дискуссии о целях и границах научно-технического развития. Таким образом, наличие в дискурсе общества взгляда на науку со стороны религии выступает фактором, который стимулирует общественный интерес и внимание к институту науки и научной деятельности.

Если говорить о присутствующих в религиозной среде суевериях, обрядоверию, обскурантизме, фундаменталистском отрицании иных точек зрения, то нужно учитывать, что подобные проявления «низкой» религиозности традиционно вызвали противодействие не только со стороны светских государств, но в первую очередь со стороны представителей «высокой религиозности», более глубоко укорененных в осознанной религиозной традиции.

Традиционные конфессии предлагают большой инструментарий нравственных и художественных форм и методов возвышения человеческой души. Подготовка учебно-методических материалов должна соответствовать научным принципам, но это требование не распространяется на объекты изучения – литературу, историю, культуру, в которых школьники вступают в познавательный контакт с большим пластом ненаучных и даже иррациональных мотивов, поступков, решений.

Укрепление демократического строя в развитых странах привело к тому, что на сегодняшний день, как указывает Тейлор, светскость стала пониматься как комплексное явление,

которое включает в себя следующие требования к государству и иным публичным институтам: 1) недопустимость принуждения к религии либо отказу от нее; 2) равенство людей разных вер и (нерелигиозных) убеждений; 3) участие представителей всех присутствующих на территории страны духовных (религиозных, философских) традиций в обсуждении основополагающих вопросов демократического устройства общества, его политической идентичности, а также способов ее реализации; 4) обеспечение мирного и гармоничного диалога между представителями различных вер и убеждений [4, с. 228]. Кроме того, Тейлор выделяет три смысловых значения, в рамках которых говорится о светскости («секулярности»). По его словам, «три аспекта секулярности относятся к “религии” – как (1) к тому, что уходит из публичного пространства; или (2) как к некоторому типу верований и практик, переживающих или не переживающих упадок; или (3) как к определенному рода верованию или убеждению, состояние которых в данную эпоху является предметом исследования». Светскость стала новым жизненным фоном для всех поисков и вопросов в области духовного и нравственного [4, с. 19–28].

Иной точки зрения придерживается П. Бергер, который указывает на современный глобальный контекст динамичной религиозности, что характеризуется «мощными всплесками» возрождающегося ислама и бурным распространением харизматического движения (включающего в себя как протестантизм евангелического толка, так и течения внутри Римско-католической церкви) в развивающихся странах, а также заметным подъемом православия в России, ортодоксального иудаизма в Америке и Израиле, индуизма и буддизма (последний достиг определенных успехов в США). Исключения из глобальной религиозной динамики составляют страны Западной и Центральной Европы, а также международная культурная элита, которая «везде в меньшинстве, но весьма влиятельна» [5, с. 9–11].

Важными аспектами роста значения религиозного фактора является, помимо связи конфессии с национальной идентичностью, что особенно прослеживается в исламской женской среде, потребность в личном благочестии, которая в определенных условиях приводит к конфликтным ситуациям. В качестве примера можно привести конфликтные ситуации, связанные с ношением хиджабов школьницами и студентками – мусульманками в разных странах мира (будучи для их носительниц выражением традиционного благочестия, для окружающих

представителей светского общества они выступали в качестве навязчивой демонстрации религиозной принадлежности).

С начала XXI в. в западной и отечественной науке получили распространение понятия «десекуляризация» и «постсекулярность» [6, р. 91], отражающие сложившуюся к рубежу веков ситуацию возвращения религии в политику, экономику, культуру, публичное пространство. Первым крупным ученым, проанализировавшим изменение тенденций секуляризации западных обществ, был Ю. Хабермас, зафиксировавший постсекулярное состояние общества, «заботящегося о продолжении существования религиозных сообществ в беспрестанно секуляризирующемся окружении» [7, с. 117]. В общем контексте идей немецкого философа это означало, что защита публичной коммуникативной рациональности требует открытого диалога с религией и между религиями.

Как отмечают Д. К. Богатырёв и М. И. Шишова, постсекулярность не означает возвращения к досекулярным формам присутствия религии в обществе. Главным отличием постсекулярного состояния общества, по мнению ученых, является замена клерикального способа взаимодействия между религиозными организациями, обществом и государственными институтами новыми политтехнологическими форматами, когда религиозные организации действуют подобно политическим партиям, сражающимся за электорат, когда успехи религиозных организаций связаны с их медийными образами. Характеристиками современного этапа существования религий в светском обществе являются, во-первых, перекодировка культурных матриц, из-за чего конфессиональные традиции и религии, которые в свое время сформировали культуру, уже не в состоянии занимать в ней центральное смысло- и ценностно-образующее место; во-вторых, взаимодействие происходит между религиозными традициями, равными между собой в силу наличия многовекового культурного наследия и высококорвитого духовно-интеллектуального и миссионерского потенциала (в отличие от прежних веков, когда высококорвитые религии подавляли примитивные верования); в-третьих, под длительным влиянием секуляризации произошли трансформации внутри самих религий, в которых твердое ядро верования и культ сочетается с возрастающей гибкостью взаимоотношений с обществом и другими конфессиями, готовностью участвовать в межрелигиозном диалоге [2, с. 102].

Процессы религиозного возрождения, происходящие в большей части стран мира, делают

религиозные убеждения и религиозную идентичность неотъемлемым элементом публичного пространства. В связи с этим требуется формирование атмосферы мирного и конструктивного диалога как между представителями различных религиозных традиций, так и между представителями религиозного (теоцентрического) и внерелигиозного (антропоцентрического) мировоззрений. При этом возвращение религий в публичное пространство, активное участие в обсуждении общих проблем, имеющих культурное и нравственное значение, не означает возврата к досекулярным формам общества, поскольку светскость общества стала гарантией мирного взаимодействия высокоразвитых религиозных традиций, а также религиозного и внерелигиозного дискурсов.

Реализуемый в настоящее время подход к преподаванию православной культуры, с точки зрения православной традиции, является следствием состоявшегося конструктивного диалога богословия и светской гуманитарной науки. Это выражается в широком использовании таких терминов, как «духовные ценности» и «традиционные ценности», отражающие аксиологический подход к религиозным традициям. В настоящей работе предложен иной подход, связанный с изложением православной традиции в социально-культурном (и социологическом) контексте. Предложен примерный вариант содержания курса «Основы православной культуры», где акцент в подаче учебного материала сделан на историю, мировоззрение и образ жизни объективно существующей социальной общности – православного населения России. Показано, что основанный на презентации православной идентичности подход соответствует существующим образовательным стандартам и лучше способствует формированию гражданской идентичности, толерантности, неприятию насилия и несправедливости, чем, к примеру, изучение колокольного звона и устройства храма в рамках культурологического подхода. Предложенный позитивный образ современного православного верующего, на наш взгляд, также может быть предложен в качестве привлекательного объекта для самоидентификации представителями подрастающего поколения в рамках преподавания модуля ОДНКНР.

Поступила в редакцию 23.06.2021, после рецензирования 03.07.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 23.06.2021, revised 03.07.2021, accepted 13.09.2021

Список литературы

1. Toledo Guiding Principles on Teaching about Religion and Beliefs in Public Schools // Organization for Security and Co-operation in Europe. URL: <http://www.osce.org/odihr/29154> (дата обращения: 09.11.2020).
2. Богатырёв Д. К., Шишова М. И. Постсекулярная гипотеза и особенности российской постсекулярности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, вып. 3. С. 95–109.
3. Вебер М. Избранное : Протестантская этика и дух капитализма. СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 649 с.
4. Тейлор Ч. Секулярный век. М. : ББИ, 2017. 967 с.
5. Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 8–20.
6. Berger P. L. The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. Grand Rapids : Routledge, 1999. 18 p.
7. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М. : Весь Мир, 2002. 144 с.

References

1. Toledo Guiding Principles on Teaching about Religion and Beliefs in Public Schools. *Organization for Security and Co-operation in Europe*. Available at: <http://www.osce.org/odihr/29154> (accessed 9 November 2020).
2. Bogatyrev D. K., Shishova M. I. The Post-Secular Hypothesis and the Particulars of the Russian Post-Secularization. *Vestnik Russkoy khristianskoy humanitarnoy akademii* [Review of the Christian Academy for the Humanities], 2015, vol. 16, iss. 3, pp. 95–109 (in Russian).
3. Veber M. *Izbrannoe: Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Favorites: Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. St. Petersburg, Center for humanitarian initiatives Publ., 2016. 649 p. (in Russian).
4. Teylor Ch. *Sekulyarnyy vek* [Secular Century]. Moscow, BBI, 2017. 967 p. (in Russian).
5. Berger P. Secularization falsified. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion, Church in Russia and Abroad], 2012, no 2, pp. 8–20 (in Russian).
6. Berger P. L. The Desecularization of the World: A Global Overview. In: *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. Grand Rapids, Routledge, 1999. 18 p.
7. Habermas Ju. *Budushchee chelovecheskoy prirody* [The Future of Human Nature]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2002. 144 p. (in Russian).